

Чудовище Плещеева озера

Чудовище это обитает на дне Плещеева озера на глубине 24 метров. Цвет чёрный. Питается рыбой, преимущественно ершами. Размеры и возраст точно не установлены. Впервые обнаружено В. Н. Меркушовым и М. Д. Хуторским в марте 1978 года.

Эколог — профессия дефицитная, ещё явно ощущается недостаток широких исследований в области охраны природы. Поэтому не удивительно, когда за них берутся люди, казалось бы, далёкие от науки. Так, писатель Андрей Никитин, в течение многих лет наблюдавший за Плещеевым озером, попытался самостоятельно разобраться в гидрологическом озёрном механизме, изучить причины падения уровня водоёма и ухудшения качества его воды. О своих выводах он рассказал в статье «Хранить родники Берендея» («ЛГ», № 10, 1979).

Статья писателя вызвала сочувственный читательский отклик. В редакционной почте мы обнаружили одно любопытное письмо:

Уважаемая редакция! Совершенно неожиданно возникла необходимость стать вашими корреспондентами, так как не рассказать о том варварстве, с которым мы столкнулись, мы не можем. Мы — это младшие научные сотрудники Геологического института АН СССР Михаил Давыдович Хуторской и Владимир Николаевич Меркушов.

По заданию института в марте 1978 года нам пришлось работать на Плещеевом озере. Мы проводили отбор донного ила в створе впадения в озеро реки Трубеж. Грунтовая трубка, внедрившись в ил, отобрала 90 сантиметров пробы, и каково же было наше удивление, когда верхние 15 сантиметров оказались... сплошным мазутом! Этого вполне достаточно, чтобы отравить не только царскую селёдку, но и всех ершей, плотву и уклейку. И таких проб было несколько...

Из разговоров с переславцами нам удалось выяснить, что виновники работают на химическом заводе, который стоит на реке Трубеж и отходы которого без задержек спускаются в озеро.

М. Хуторской,
В. Меркушов.

P. S. Приезжайте к нам — покажем пробы с мазутом.

Так проблема Плещеева озера открывается для нас какой-то новой стороной. Что же стоит за сообщением учёных? Писатель Марк Кабаков выехал в Переславль-Залесский, на место происшествия.

«Факты, факты и ещё раз факты. Только с ними ты можешь идти на химический завод», — поучали меня знатоки. И я начал с фактов.

Старик на лугу пас корову. Луг упирался в жёлтый, усеянный окурками пляж, крохотные волны путались в прибрежной осоке. А дальше, там, где озеро раскрывалось во всю свою серебряную ширь, водяными пауками мелькали во всех направлениях моторные лодки.

— Рыбка в озере ловится? — бодро спросил я.

— Откуда ей взяться? Ту, что прежде была, выловили, а новую химия губит, — меланхолично ответил старик.

Я обошёл луг, свернул на поросшую ромашками улицу и вышел к одноэтажному кирпичному строению. От него тянуло дразнящим запахом коптильни. На траве сохли лодки. Это был Переславский рыбпункт. Меня принял загорелый, выдубленный ветром заведующий пунктом, Алексей Васильевич Волков. Он ставил тони ещё в ту пору, когда вместо рыбпункта был колхоз «Красный рыбак».

— Тогда ежегодно до 100 тонн вылавливали, а теперь 40—50 еле-еле. Да и поухудела рыба. Ряпушка, так та всего 150 граммов весит. Это вместо прежних полкило.

По словам Алексея Васильевича, почти исчез ёрш. Несколько лет тому назад в сети стала попадаться рыба с язвами на туловище. Учёные установили: причина — дуст. Тот самый дуст, которым опрыскивали западный берег, чтобы истребить комаров возле пионерлагерей...

Сергей Фёдорович Харитонов, заслуженный лесовод РСФСР, старейший житель Переславля, утверждал, что из-за массовых порубок леса озеро мелеет. «Я помню, как по Трубежу ходили баржи с осадкой до полутора метров. Сейчас реку можно перейти, вброд...»

Мой блокнот обрастал фактами. Правда, пока что из этих фактов с очевидностью следовало только одно: рыба в озере исчезала. Но ведь прежде всего не стало ерша — придонной рыбы. Причину исчезновения рыбы, следовательно, надо было искать на дне. И я отправился на химзавод. Но тут-то меня ждало жестокое разочарование. Логическая цепочка: загрязнение озера заводом — исчезновение планктона и донных беспозвоночных — гибель рыбы, в первую очередь придонной (ерши!), рухнула на глазах, как карточный домик!

Один из специалистов завода подарил мне брошюру, название которой говорило само за себя: «Переславский химический завод — предприятие, не сбрасывающее неочищенные стоки в открытые водоёмы». Далее я узнал, что на заводе имеется биологическая система очистных сооружений, к которым подключены почти все предприятия города. Очищенные воды сбрасываются в Нерль-Волжскую. Те предприятия, что не входят в «почти», вредных для озера стоков не имеют. Горсовет поручил заводчанам шефство над озером, и химики строят на Трубеже плотину, которая будет аккумулировать паводковые воды и поддерживать уровень воды в озере неизменным.

Вечером в гостинице я думал, сопоставлял. Ключ к загадке «чудовища» не находился. Если даже предположить, что очистные сооружения были вовсе не так совершенны, как меня уверяли, всё равно: качество их работы никоим образом на чистоте озера не сказывалось. Ведь Нерль-Волжская находилась в 28 километрах от Переславля! Оставалось предположить, что имел место какой-нибудь массовый выброс нефтепродуктов в озеро. И если это так, то уж где-где, а в прокуратуре о нём должны были знать...

Увы, не знали. Вячеслав Фёдорович Манцев и его помощник долго просматривали при мне пухлые папки с делами, листали книги. В 1973 году была утечка мазута из заводской цистерны. Случилось это зимой, по весне паводковые воды понесли мазут в Трубеж. Но это было один-единственный раз...

В комитете народного контроля Нина Алексеевна Леонтьева сетовала, что рыбы в озере становится всё меньше, берега осадил туристы, просила: «Если вы поможете озеро сберечь, мы вам всем миром поклонимся!» Но о загрязнении мазутом ей тоже ничего не было известно.

Когда я рассказал инспектору рыбоохраны Николаю Ивановичу Удальцову о мазуте, он нисколько не удивился:

— Очистные сооружения на химзаводе построили в 1970 году, город подключился к ним только три года спустя. А до этого все стоки с фабрики киноплёнки и других предприятий (инспектор перечислил все предприятия, которые стоят на Трубеже, их оказалось немало) десятилетиями шли в Трубеж. Вот и накопилось. Мазут только поначалу на поверхности плавает...

Но ведь с 1973 года выноса стоков в Трубеж не было! Следовательно, в пробах, которые отобрали геологи, сверху должен был оказаться ил, а уж потом мазут. Но этого как раз и не было, мазут был свежий! Кто и как пополняет его запасы?! Загадка оставалась загадкой.

Может быть, виновно автотранспортное предприятие? Там на асфальте я видел следы бензина, смазочного масла. Склад «Сельхозтехники»? Сырзавод? Нет, их стоки, взятые вместе, никак не могли вскормить чудовище, что залегло посредине озера. Тут было нечто помасштабнее...

И опять мне пришли на помощь мои новые знакомцы. Заведующий рыбпунктом Волков придвинул к себе счёты, достал лист бумаги:

— Предположим, по озеру бегают две тысячи моторок. Двигатель у них работает на смеси: на каждые двадцать литров бензина добавляется один литр масла. Какая-то часть масла не сгорает, уносится с выхлопными газами, бензин тоже. Дымит мотор или не дымит — кто за этим смотрит? Ну и подтёки, конечно: оттого, что мотор старый, оттого, что заправляют на ходу. Без этого не бывает. А теперь давайте предположим, что из 21 литра смеси хотя бы 300 граммов окажется в воде. Что тогда получится?

Зашёлкали костяшки. Выходило, что на дно ежегодно опускается примерно три тонны нефтепродуктов.

Как говорят в таких случаях, круг замкнулся! Подвесные моторы из года в год пополняли ныне уже пятнадцатисантиметровый злобный слой на дне Плещеева озера. (Вместо справки: в инспекции по маломерному флоту на озере зарегистрировано 1200 моторных лодок и... 196 гребных судов. Учитывая, что за регистрацию надо платить, да ещё и сдавать экзамен на право вождения, можно считать эти цифры, мягко говоря, заниженными.)

Я рассказал председателю горисполкома Ивану Кузьмичу Пятову, что залегло на дне озера. Иван Кузьмич подтвердил полностью наши соображения: «А куда ему, мазуту, деваться?!» Судя по рассказу Пятова, положение было таково:

- очистка дна озера не предполагается. У города нет для этого ни технических средств, ни опыта;
- прекратить в зоне озера опыление полей ядохимикатами нельзя. Колхозам нужны урожаи;
- ливневая канализация в обозримом будущем соорудаться не будет.

А моторные лодки? Ситуация противоречива: в прошлом году исполком запретил движение моторных лодок по Трубежу, но прокурор Манцев опротестовал решение, ибо оно «существенно нарушает интересы трудящихся». В двух словах суждение Манцева сводилось к следующему: трудящийся приобретает подвесной мотор не зная, что пользоваться им не разрешат. Продать мотор в Переславле негде и некому.

...Астматически дыша, автобус взбирается на гору. Красивый, да так, что дух захватывает, тянется к голубому небу узорчатый камень Горицкого монастыря. А внизу под неяркими лучами солнца дремлет у пологих холмов синяя-синяя влага.

Оно тихо, Плещеево озеро, тихо — и беззащитно. Не хочется верить, что столько лет им пользовались, как сточной ямой. Авторы письма в редакцию нисколько не преувеличивают. Не правы они в одном: химический завод здесь ни при чём.

Я согласен с прокурором Манцевым: интересы трудящихся не должны нарушаться. И всё-таки моторным лодкам не место на Плещеевом озере. Да, урожай надо спасать. И тем не менее ни о каком опылении ядохимикатами в районе озера и речи быть не может.

Автобус скатывается с горы.

Опять мне приходят на ум слова Нины Алексеевны Леонтьевой: «...мы вам всем миром поклонимся».

Дело было закончено, и, прежде чем сдавать статью в редакцию, я познакомил с ней авторов письма.

— Возможно, вы и правы, — сказал Михаил Давыдович Хуторской, — но кто и когда замерял осадки, выпадающие на дно озера от работы лодочных моторов? Откуда взялись эти 300 граммов? Продуктов неполного сгорания может быть и значительно больше, и значительно меньше. Какой процент растворяется в воде и какой выпадает в осадок? С какой скоростью?

Ни на один из этих вопросов я ответить не смог. И мне почудилось вдруг, что, раздвинув скользкие заросли, чудовище приподняло со дна свою чёрную голову и ядовито подмигнуло мазутным лиловым глазом...

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТДЕЛА ЭКОНОМИКИ «ЛГ».

Чудовище обнаружено. Но как оно появилось? Писатель напал на след. Верен ли он? Рождаются вопросы, которые требуют дальнейшего анализа. Писатель А. Никитин попробовал разобраться в гидрологическом механизме озера, писатель М. Кабаков провёл своё расследование причин загрязнения озера. Литераторы действуют. Не пора ли высказаться специалистам?